

прошлого века и завершившаяся фактически спустя четыре десятилетия со смертью самого автора. В этой борьбе и рядовые участники революционного движения, и демократическая печать сходились в одном — в признании, что без учета вклада, какой вносили лучшие произведения Ф. Штילה-гагена в освободительное движение России, невозможно достаточно полно определить «социальный статус» этого художника.

НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ (Бернс «Джон Андерсон»)

С. А. Орлов

Общезвестно, сколь значителен был интерес Р. Бернса к богатствам фольклора, как велико уважение шотландского поэта к безвестным сочинителям, которые выразили в песнях и радость и горе народных масс, и свою мечту о счастье¹.

Любовь к народной песне Бернс пронес через всю свою жизнь. И не удивительно, что созданные им песни скоро стали достоянием шотландцев. Это хорошо понял Гете, неизменно с любовью говоривший о Бернсе: — «Возьмите Бернса. Отчего он велик? Оттого, что старые песни его предшественников жили в устах народа, что они, так сказать, пелись у его колыхали, что ребенком он вырос на них, что совершенство этих образцов, так сказать, сжилось с ним, что у него было живое основание, на котором он мог создавать дальше. И он велик еще оттого, что его собственные песни тотчас же проникли в народ, что их тотчас же запели косари и жнецы, что ими встречали его в кабачках веселые ребята»².

Доказательством справедливости сказанного выше могли

¹ См. А. Елнстратова. Роберт Бернс. Критико-биографический очерк ГИХЛ, М., 1957.

С. Орлов. Роберт Бернс и фольклор. (Ученые записки Куйбышевского педагогического института им. В. В. Куйбышева, 1943).

Л. Севрюгина. Роберт Бернс и народное творчество. Липецк, 1961.
Е. Куосайте. Р. Бернс и шотландская народная песня. Ученые записки Высших учебных заведений Литовской ССР. «Литература» XI (3). Вильнюс, 1969.

² И. П. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.-Л., 1934, стр. 715.

*Интервью с Бернсом
в 3-м издании сборника
Горький, 1972*

бы стать десятки произведений поэта и, в первую очередь, один из шедевров лирики Бернса, датируемый 1790 годом. Мы имеем в виду небольшое лирическое произведение — песню «Джон Андерсон», неоднократно переводившуюся у нас на русский язык, а в недавнее время и на языки многих народов Советского Союза. Назовем хотя бы переводы на языки: белорусский (И. Семенен), грузинский (Т. Эристави), литовский (А. Хургинас), украинский (В. Мыськ), якутский (Н. Дьяконов) и другие.

Небезынтересно проследить «этапы» распространения бернсовского наследия в нашей стране на примере одного из самых известных творений шотландского поэта. Мы имеем в виду его стихотворение «Джон Андерсон» (1790).

Английские исследователи единодушны в вопросе о том, какова предыстория написания этого произведения. Оно имеет своим прообразом строки неведомого поэта, задолго до Бернса создавшего веселое и озорное стихотворение. Однако этот «прообраз» бернсовской лирики отличается в большой степени от того, что создал в конце своей короткой жизни национальный поэт Шотландии.

Публикуя стихотворения Бернса, редактор и автор вступительной статьи и примечаний Чарльз Кент предваряет текст лирической песни Бернса небольшим, но выразительным предисловием: «Никогда еще под пером создателя песни не возникло лирическое стихотворение столь чистое и исполненное любви. Старинная песенка, послужившая Бернсу образцом хотя и остроумно, не избежала в то же время некоторой непристойности. В данном случае загрязненный оригинал опущен в тигель и, пройдя переплавку, вышел из рук Бернса чистым, как золото, — оригинальным, несущим все признаки самобытности гения».

О том, что «Джон Андерсон» является творческой переработкой некоего давнего образца, пишет и Томас Крауфорд в недавней работе. В главе «Создатель песен» читаем: «К числу лучших песен о любви в браке и верности принадлежит «У меня есть жена», посвященная Джин Армор... и великий монолог «Джон Андерсон» (р. 283). Исследователь характеризует последнее творение как пример «переработки Бернсом непристойного оригинала, самого по себе не являющегося чем-то недопустимым в качестве песни или даже поэтического произведения и обладающего собственными досто-

... The Poetical Works of Robert Burns edited by Charles Kent Ltd.
New York, p. 279.

инствами, говорящего о неизбежности упадка в старости физических сил. «Приемлемая» (respectable) версия, принадлежащая Бернсу, написана с целью выразить всю полноту чувства (любви), одного из наиболее впечатляющих в шотландском фольклоре»⁴.

Примерно такова же и точка зрения столь авторитетного исследователя, как Дэвид Дейчес. Он пишет в книге «Роберт Бернс» (Нью-Йорк, 1966) следующее: «Название и характер строфы традиционны, но Бернс создает нечто оригинальное. Вариант старинной песни..., опубликованной в The Meggy Muses, привлёк внимание поэта. Там это было забавным, но и непристойным произведением, в котором похотливая женщина ворчит на мужа, потерявшего способность быть мужчиной. Стихи Бернса дают представление о том, как великомерно способен поэт выразить великое и банальное; старинная тема нашла специфическое и своеобразное выражение»⁵.

В развернутом и наиболее полном комментарии Джеймса Кинсли — редактора трехтомного и фундаментального издания «Песни и песни Роберта Бернса» дан тщательно документированный комментарий. Исследователь — профессор Ноттингемского университета, дал впервые полное издание поэмы и песен Бернса, сопроводив издание мелодиями песен в том виде, каком они бытовали в восемнадцатом столетии. Текст книги основан на критическом изучении около восьмиста рукописей и ранних публикаций, песен, собранных или переработанных Бернсом. Издание сопровождается введением, снабжено критическими пояснениями и комментариями. Указываются источники того или иного текста и аналогии, даются необходимые пояснения по истории Шотландии, ее быту и обычаям. Широко привлекается переписка поэта, его записки и заметки. Словарь включает пояснение как английских, так и шотландских слов и идиоматических выражений. Ссылаясь на документы, Джеймс Кинсли цитирует подлинные строки поэта, сделанные им в пояснении к тексту «Джона Андерсона»: «Эта песня принадлежит мне (This Song is mine). Отмечено, что, по всей вероятности, прообраз песни возник где-то в семнадцатом столетии и имеет отношение к фрагменту, передан-

⁴ Thomas Crawford. Burns. A study of the Poems and Songs Ltd, 1960 p. 283.

⁵ David Daiches. Robert Burns. The Macmillan Company New York, 1966. p. 313.

ному Лордом Хейли (Hailis) Перси для его «Останков» (Reliques 1765, II, 110)⁶.

По словам комментатора, фрагмент, имевшийся в распоряжении Хейли, мог послужить для создания песни и мелодии, но все же не стал основой для Бернса (was not the basis of Burns's poem). Сходство мотива более очевидно в монологе (возможно начала восемнадцатого века), в котором жена порицает мужа за равнодушие. Комментатор дает и самые строки этого текста. Версия песни такова:

Джон Андерсон, мой любимый Джон,

Как понять, что ты

Столь долго лежишь утром

И сидишь столь поздно вечером?

Твой взор затуманен и тускл,

Что с тобой?

Скорее ложись в постель,

Джон Андерсон, мой милый,

Джон Андерсон, мой любимый Джон,

Когда мы встретились впервые,

Ты (был другим)...

Как всякий другой мужчиной.

И вот вдвоем мы идем под гору
Джон Андерсон, мой любимый.

Комментатор отмечает далее, что Бернс замещает сексуальные реминисценции гордым сознанием верности и, сохраняя тот же настрой песни, создает новую песню, в которой любовная страсть уступает место благородству дружбы. Песня передает живое чувство, эмоциональный подъем в начале, завершается концовкой доверия и успокоения. Стихотворение Бернса, исполненное высокого нравственного чувства, проникнутое глубочайшей симпатией к человеку, его способности чувствовать и любить, не случайно многократно привлекало внимание многих русских переводчиков.

Первым среди них стал внук крепостного, видный деятель революционного подполья, современник и друг Чернышевского и Добролюбова, отлично знавший жизнь и быт обездоленных

⁶ The Poems and Songs of Robert Burns, vol. III., Commentary, de by James Kinsley p. 1334.
Там же.

масс, поэт и публицист Михаил Ларионович Михайлов (1829—1865), один из талантливейших переводчиков тогдашней России. Как поэт, он наследовал лучшим традициям декабристов и Лермонтова, являясь ненавистником самодержавия и крепостничества в любом деле. Его демократизм, страстное желание раскрепощения масс определяли и характер его переводческих интересов. Он обращается к песням Бернса и Беранже, творениям Томаса Гуда, Лонгфелло («Песни о невольничестве»). Характерен самый выбор произведений шотландского автора: здесь поэзия труда («Джон Ячменное Зерно»), строки, исполненные глубокой симпатии к судьбе человека-грузника, строки, исполненные сочувствия к обездоленному — будет ли это крестьянин или другое живое существо («Злая судьба», «Пахарь», «К полевой мыши», «К средней плугом маргаритке»), наконец, рассказ о посевших людях, сохранивших ум, любовь и нежность («Джону Андерсону»). В переводе М. Л. Михайлова слова любви, признательности и нежности вложены в уста женщины. Об этом свидетельствует и форма обращения («Сердечный друг»), повторенная в переводе четыре раза — у Бернса — *my jo* — т. е. «мой любимый» также повторяется четырежды, и слова о встрече, полужившей начало супружеской жизни двух молодых. Об этом же говорит и дважды повторенное слово «вместе» (*together*). Заметим, что переводчику удается весьма удачно передать и бернсовские сравнения (как смоль, был черен волос твой!) (у Бернса — цвет ворона); авторское выражение: *like the snaw* (как снег) выразительно и точно передается строкой «и снег житейских вьюг». Точно — в полном соответствии с оригиналом, М. Л. Михайлов переводит третью и четвертую строфы, сохраняя и бернсовское *totter* («карабкаться») (у Михайлова — «плестись»). В контексте перевода — максимальное приближение к подлиннику, богатая передача чувств жены, обрастающей со словом любви и дружбы к мужу-другу и спутнику жизни. Самая идея неизбежности смерти смягчается удачно найденным «заснем, сердечный мой!», причем переводчик сохраняет и сильное *and hand in hand* («рука с рукой»). Нельзя не согласиться с обоснованной и верной точкой зрения А. А. Елистратовой, высоко оценившей труд переводчика:

«В своих переводах, из которых выделяются «Джон Ячменное Зерно» и «Джон Андерсон, сердечный друг», поэт-революционер Михайлов великолепно передал и вольнолюбивый пафос

поэзии Бернса и широту его мужественного и жизнеутверждающего гуманизма».

В 1869 году на страницах журнала «Дело» (т. 1, стр. 188) появился перевод Петра Исаевича Вейнберга (1831—1908) поэта, сатирика и переводчика, позднее — почетного академика (с 1905 г.). Составитель ряда хрестоматий, автор обстоятельного очерка «Роберт Бернс», опубликованного в связи со столетней годовщиной смерти поэта, книги «Страницы из истории западных литератур» (Сб., 1907) (Вейнберг переводил Гейне и Гете, Шекспира и Бернса, Гюго и Барбье. Им переведен ряд творений шотландского поэта («Веселые нищие» — Отечественные записки 1868, т. 5, стр. 325) «Лорд Грегори» — Отечествен. записки, 1868, т. 6, отд. 1, «Джон Андерсон» — Дело, 1869, т. 1, стр. 188).

Вейнберг говорит о глубокой связи поэта с породившим его народом, пишет о национально-фольклорных основах его поэзии. В «Сборнике произведений иностранных поэтов для классного чтения» сост. П. Вейнберг, Спб. 1882, читаем: «Главное достоинство его (Р. Бернса — С.О.) — необыкновенная простота и естественность, соединенная с глубинною чувства и пониманием природы. Произведения Бернса преимущественно лирические» (стр. 229).

В обстоятельном очерке юбилейного года (1896), на страницах журнала «Русское богатство», П. Вейнберг сопоставляет имя Р. Бернса — поэта народа, вольнодумца и бунтаря, с именем Сервантеса, вынужденного стать вследствие нужды интendantом, — и Г. Гейне, вынужденного торговать в бакалейном магазине. Облик Бернса в сознании критика — живое олицетворение Шотландии, ее жажды независимости, ее борьбы за национальное раскрепощение. «Нужна была очень крупная, истинно поэтическая сила, чтобы воскресить истинную поэзию, с ее народностью, искренностью, жизненностью, — и эта сила явилась в той, географически и этнографически родственной с Англией, стране, которая уже искони была хранительницей народного поэтического творчества, благодаря утверждению в народе чувства свободы и национальности. купленного долговременною и кровавой борьбой. Эта страна — Шотландия, и эта сила — Роберт Бернс», — писал Петр Вейнберг («Страницы из истории западных литератур». Спб., 1907, стр. 231).

Перевод «Джона Андерсона» Вейнберга (Дело, 1869, т. 1,

А. Елистратова. Роберт Бернс. ГИХЛ, М., 1957, стр. 156.

стр. 188) лишь приближенно передает настроение подлинника и создает впечатление некоторой архаичности. Так, удачно сохранив сравнения («Твой волос был черен, как смоль» и «волос, как снег, убелен») в первой и второй строфе, переводчик изменяет бернсовской простоте и выразительности, давая архаичное и чуждое Бернсу пожелание: «Спаси твою старость, Господь».

Неудачно интерпретируется восхождение на жизненном пути и приближение к могиле («Мы на гору лезли вдвоем»).

Фраза, начинающая заключительную строфу («Теперь поплетемся мы вниз»), не отвечает присущей поэту готовности бороться до конца. В этом смысле и рукопожатие друзей, оптимистически завершающее стихотворение, не передают строки переводчика:

И тихо на путников сон
Сойдет у подошвы горы.

Александр Мигрофанович Федоров (род. в 1863 г.), сын крестьянина, поэт-переводчик Бернса, перевел и «Джона Андерсона», опубликовав его среди других девяти переводов в журнале «Вестник Европы» (июль 1896). Перевод носит все признаки подражательности переводу М. Л. Михайлова, но отнюдь не идет с ним ни в какое сравнение. Как художественное произведение, он представляется крайне слабым. В переводе потеряна и глубина мысли и сила чувств состарившегося, но продолжающего любить человека. Крайне тяжело звучит четвертая строка («И лоб не испещрен»), и шестая («Твой волос оснежен»); начальные строки последнего четверостишия:

Теперь идем мы книзу,
Пойдем вдвоем под склон. (?! С. О.)

Неудачной является форма обращения («друг славный») — у Бернса *my jo, John*. Весь перевод оставляет впечатление крайне неряшливой, торопливой работы, давая искаженное впечатление содержания и богатства мысли и чувств подлинника.

9 А. М. Федоров. Из Бернса. Вестник Европы, июль 1896, стр. 289—297; здесь же — К Шотландии, Джон Ячменное Зерно, Орывок, Добрые старые годы, Памяти Мэри, Мое сердце болит, Среди колосьев ячменя. К горной маргаритке, К мышке.

(У Бернса

Держась за руки, пойдем мы
и заснем вместе,
Джон Андерсон, мой Джон).

С чувством подлинной любви и уважения к наследию великого шотландца переводит стихотворения белорусский поэт Я. Семежон¹². Как и в переводе Маршака, здесь обращение к другу, верному товарищу на жизненном пути (форма обращения — «мой дружка». Переводчик бережно сохраняет чувствую во вечной привязанности и уважения говорящего к посеве-ше-му Джону:

Не той, не той ты стау, мой Джон
І снег жыццёвай сцюжы
У валасах. Благаславён
Іх іней, Джон, мой дружка!

По словам В. Рагойши, опыт И. Семежона в переводе стихотворений Бернса на белорусский язык «выходит далеко за национальные рамки и может быть с пользой применен многими переводчиками, особенно славянских стран»¹³. Оценивая переводы из Бернса, выполненные И. Семежоном, Н. И. Лапидус, автор ряда научных трудов по вопросам перевода, полагает, что этой книгой переводов «народ Белоруссии приносит дань уважения величайшему барду Шотландии»¹⁴.

В переводе С. Болстина и Т. Сикорской удачно сохранено сравнение черных волос с чернотой крыла ворона. Но сама форма вопроса, как и начальные строки (ты помнишь как жизнь для нас цвела) воспринимается как вольность. Второе и третье четверостишие близки к оригиналу, удачны и окончание. Зато последнее четверостишие во многом произвольно. И если для передачи усталости удачно применено выражение «бредом», то фраза — «и рядом ляжем в тесный дом (? — С. О.) художественно неубедительна.

Перевод («переклад») М. Лукаша (Украинская ССР) наполнен с любовью и несомненной силой таланта, хотя в ряде

¹² Роберт Бернс. Шотландская слава. Выбранные. Минск, 1957. Переклады з англійскай мовы Я. Семежонава, стр. 44.

¹³ В. Рагойша. Х паўнамочны прадстаўнік. Літаратура і мастацтва. 24.XI.1963.

¹⁴ Н. И. Лапидус. Зарубежная литература в белорусских изданиях и переводах. Выпуск первый. Изд-во БГУ имени В. И. Ленина, Минск, 1968, стр. 76.

Скапау. Упершыню на беларускай мове. «Беларусь», № 12, 1957.

Переводы С. Я. Маршака давно уже и заслуженно получили у нас высокое признание. «Переводы С. Я. Маршака... и в особенности переводы стихов великого Бернса, — отмечает А. Твардовский, можно считать серьезным вкладом в дело культурного сближения и общения народов путем обмена нетленными ценностями культуры, искусства, литературы. А это дело в наши дни — дело борьбы за самое дорогое для человечества, борьбы за мир во всем мире»¹⁰.

Перевод С. Я. Маршака отличается и большой точностью, и высоким профессиональным мастерством и находками мастера. Автор перевода несколько ослабил тему супружеской дружбы; стихотворение стало почти монологом друга, не утратив при этом своего обаяния. Об этом свидетельствует форма обращения (мой друг, мой старый друг — у Бернса — my jo, John. Великолепен образ человека, уболенного снегом, знавшего «немало вьюг». Завершающие строки — свидетельство нерушимой верности и дружбы. Как и в переводе М. Л. Михайлова, печаль приближающейся смерти смягчается фразой «не разнимаю рук», мыслью о том, что и смерть бес-силна разединить друзей.

В конце тридцатых годов в ленинградской печати появился перевод стихотворения, принадлежавший С. Орлову¹¹. Он менее точен нежели переводы М. Л. Михайлова и С. Я. Маршака. Не точно передана форма обращения «Мой милый Джон» (у Бернса my jo, John) переводчик допустил вольность, введя строку «Седея бровь еще черна»; однако, следующие за этим строки имеют право на существование

Благословенна седи́на
Твоя, мой милый Джон!

После сравнительно слабой третьей строфы следует заключение, хотя и не передающее буквально авторский текст, но сохраняющее принципы нерушимости верности и дружбы даже перед лицом смерти:

Уж смерть недалека...
Дай руку мне, мой милый Джон,
И вот моя рука!

¹⁰ А. Твардовский. О переводах С. Я. Маршака в кн. С. Маршак. Соч. в четырех томах, т. 3, избранные переводы, стр. 792.

¹¹ С. Орлов. Бернс в русских переводах. (Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена, 1939, том XXVI, с. 225—255).

случаев переводчик и позволил себе некоторые отступления от текста подлинника. Чувство дружбы, признательности, искренней любви отлично передает обращение — мій друже, голубе мій, голубе мій сиз. Переводчику удалось сохранить и яркую образность оригинала и редчайшую теплоту в обращении к посевшему другу. «Вольности», которые допускает М. Лукаш, представляют оправданными и допустимыми, поскольку они не нарушают общую структуру стиха, сохраняют главное — глубокую приязнь к человеку, с которым связаны многие годы жизни, радости и забот.

Так, четвертая строка стихотворения — о том, что лицо юного Джона не имело морщин — переводчиком замещено строкой:

В очах огонь ще грав.

Отступив от подлинника в пятой строке, Лукаш дает великолепный перевод шестой: «зуб іній притрусив», и это сохраняет смысл и существо подлинника, доводит всю полноту мысли и чувств бернсовского стиха до читателя.

Советский народ торжественно отмечает пятидесятилетие со дня образования СССР. В братской семье народов растет и крепнет дружба строителей коммунизма. Следуя ленинскому завету овладения всей культурой, выработанной человечеством, народы Советского Союза единодушно воздают дань уважения и признательности великому поэту Шотландии, близкому нам по своим думам, чувствам и устремлениям. Бернс нашел в нашей стране свою вторую родину.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Михайлов М. Л.

Джон Андерсон, сердечный друг!
Как мы сошлись с тобой, —
Был гладок лоб твой и, как смоль,
Был черен волос твой!
Теперь морщины по лицу
И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но Бог храни
Тебя, сердечный друг!
Джон Андерсон, сердечный друг!
Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней

Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы рука с рукой
Пойдем и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

«Современник», 1856, т. 57

2. Вейнберг П. И.

ДЖОН АНДЕРСОН

(из Роберта Борнса)

Джон Андерсон, милый мой Джон,
Когда мы сошлись с тобой,
Твой волос был черен, как смоль,
И лоб без морщины одной.
Но нынче морщины на лбу
И волос, как снег, убелен...
Спаси твою старость, Господь,
Джон Андерсон, милый мой Джон.
Джон Андерсон, милый мой Джон,
Мы на гору лезли вдвоем,
И много веселых минут
В пути проживали своим.
Теперь полетимся мы вниз,
И тихо на путников сон
Сойдет у подошвы горы,
Джон Андерсон, милый мой Джон,

(«Дело», 1869, том 1, стр. 188)

3. Федоров А. М.

Из Борнса

ДЖОНУ АНДЕРСОНУ

Джон Андерсон, мой милый!
Когда сошлись мы, Джон,
Твой волос густ был, черен
И лоб не испещрен.
Теперь ты, Джон, стал лысым,
Твой волос оснежен.

Но будь благословен он,
 Джон Андерсон, мой Джон!
 Джон Андерсон, друг славный,
 Вдвоем мы в гору шли
 И много дней веселых
 Мы вместе провели.
 Теперь идем мы к низу.
 Пойдем вдвоем под склон
 И там уснем мы вместе
 Джон Андерсон, мой Джон!

«Вестник Европы», июль 1896, стр. 289

4. Маршак С. Я.

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой друг, Джон,
 Подумай-ка, давно ль
 Густой, крутой твой локон
 Был черен, точно смоль.
 Теперь ты снегом убелен,
 Ты знал немало вьюг.
 Но будь ты счастлив, лысый Джон,
 Джон Андерсон, мой друг.
 Джон Андерсон, мой старый друг,
 Мы шли с тобою в гору,
 И столько радости вокруг
 Мы видели в ту пору.
 Теперь мы под гору бредем,
 Не разнимая рук.
 И в землю ляжем мы вдвоем,
 Джон Андерсон, мой друг.

5. Орлов С. А.

Джон Андерсон, мой милый Джон,
 Как ты меня любил,
 Ты черен, словно ворон, был,
 И вот ты лыс, мой Джон.
 Седая бровь еще черна,
 Ты снегом опушон.
 Благословенна седина,
 Твоя, мой милый Джон!

Джон Андерсон, мой милый друг,
 Ты не забыл о том,
 Как шли, не размыкая рук
 Мы жизнь с тобой вдвоем.
 Теперь мы под гору бредем,
 Уж смерть недалека...
 Дай руку мне, мой милый Джон,
 И вот моя рука!

(1939)

6. Бологин С. и Сикорская Т.

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, ты помнишь,
 как жизнь для нас цвела,
 и смоль кудрей была черней
 вороньего крыла?
 А нынче кудри, словно снег,
 окончен жизни круг...
 Но будь благословен навек,
 Джон Андерсон, мой друг!
 Джон Андерсон — ты помнишь,
 мы рядом в гору шли,
 и столько дней, счастливых дней,
 сияло нам вдали?
 Теперь мы рядом вниз бредем,
 с горы на тихий луг
 и рядом ляжем в тесный дом,
 Джон Андерсон, мой друг!

Бологин С., Сикорская Т. Песни простых людей. Избранные переводы. ГИХД, М., 1954.

7. Я. Семязон.

ДЖОН АНДЭРСОН

Джон Андерсон, ты помніш, Джон,
 Той час, як мы сышліся?
 Віхры твае — чарнюткі шоук —
 На лбе крутым віліся.
 Не той, не той ты стау, мой Джон,
 І снег жыццёвай сцюжы

У валасах. Благаславён
 Іх іней, Джон, мой дружа!
 Джон Андерсон, калісь мы, Джон
 І шлі з табою угору.
 У гарачыню і пад дажджом
 І шлі, не знаушы гора.
 Цяпер спускаемся з табой
 з гары, на захад дзён —
 Туды, дзе вечны супакой,
 Мой любы дружа, Джон.

(Роберт Бёрнс. Шатландская слава.
 Выбранае. Мінск, 1957).

8. М. Лукаш.

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мій друже!
 Як я тебе спізнав,
 Твій чуб був чорний, як смола,
 В очах огонь ще грав.
 Минув той час, твій зір пригас,
 Чуб іній притрусив...
 Та дружба не схолола в нас,
 Ти голубе мій сив!
 Джон Андерсон, мій друже!
 Як ми угору йшли,
 Чимало ми з тобою вдвох
 Розкоші зажили.
 Тепер яюсь поплетемось,
 Обнявшись, у низ...
 Разом і спати вкладимось,
 Ти голубе мій сиз!

Переклад М. Лукаша.

Дивись: (Р. Бёрнс. Вибране. Державне видавництво
 художньої літератури. Київ. 1956 рік, сторінка 46). Збірка
 «Роберт Бёрнс» в сер. «Перлини світової лірики». Київ.
 1965 рік.

«ЗАМЕТКИ О ТЕАТРЕ» Я. М. Р. ЛЕНЦА В СВЕТЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

В. А. Фортунатова

Я. М. Р. Ленц известен преимущественно как драматург и теоретик, глубоко разработавший ряд проблем драматургического искусства и немецкого национального театра.

Повышенный интерес к театру — характерная черта немецкого Просвещения. В. Р. Гриб правильно отмечает, что «эстетика Просвещения есть по преимуществу эстетика театра. Законодатели художественных вкусов — Вольтер, Дидро, Лессинг и Мерсье — пишут свои эстетические трактаты, в первую очередь, о театре и для театра»¹.

Большое внимание уделяют вопросам театра и молодые штюрмеры. «Драматическое искусство привлекало их к себе энергией действия, огромной силой воздействия, жизненностью образов, в создании которых могла в полной мере проявить себя творческая сила поэтического гения»².

Закопченным и целостным высказыванием о театре этого периода явились «Заметки о театре» Ленца. Это самая крупная и значительная критическая работа не только Ленца, но вообще штюрмеров, в которой с наибольшей полнотой отразились их взгляды как на современный ему театр, так и на сущность и назначение художественного творчества в целом. «Заметки о театре» стали теоретическим фундаментом для творчества штюрмеров и оказали значительное влияние на их дра-

¹ В. Р. Гриб. Вступительная статья к кн.: Г. Э. Лессинг. Гамбургская драматургия, М.-Л., Academia, 1936, стр. 11.

² Gustav Keckeis, Dramaturgische Probleme im Sturm und Drang, Bern, 1907, S. 8.